

Оглавление

Предисловие автора	7
Игра престолов, или «Все пошло как-то странно и мудрено в стране...»	9
Часть I. НЕСЛУЧИВШАЯСЯ ДИНАСТИЯ	15
Глава 1. Выборный государь	17
Глава 2. Великий голод.	21
Глава 3. А при чем тут Уайнапутина?	23
Глава 4. А на второе — кровавые мальчики	24
Глава 5. Грустная кончина.	30
Глава 6. Красивая (?) семья	33
Глава 7. Античность в русском XVII веке	37
Глава 8. О! До чего горька была участь женщины-узбечки до Октябрьской революции!	39
Глава 9. И еще немного о Годунове	44
Часть II. ЭПОХА САМОЗВАНЦЕВ.	47
Глава 1. Дело Романовых	49
Глава 2. Страдания Филарета.	52
Глава 3. Самозванцы бывают разные	54
Глава 4. Расстрига.	57
Глава 5. Любовная история	61
Глава 6. Окончание отрепьевского проспекти.	63
Глава 7. Шуйский и слом парадигмы	65
Глава 8. Добить мертвого	68
Глава 9. Тушинский вор	69
Глава 10. О доблестных защитниках Троице-Сергиева монастыря и всегорьких предателях	71
Глава 11. Настало время разобраться с польской интервенцией	74

Глава 12. Как поляк оказался претендентом на русский престол	76
Глава 13. Как разбили тушинцев	78
Глава 14. Однажды в Новгороде	80
Глава 15. Кусочек России в Швеции	83
Часть III. РОМАНОВЫ	85
Глава 1. Тем временем в Нижнем	87
Глава 2. Да здравствует новый царь!	88
Глава 3. Сусанин и мифические поляки	90
Глава 4. Первый русско-английский словарь, maimant и песня о весновой службе	96
Глава 5. Любить в настоящем времени	99
Глава 6. Как развлекаются московиты	104
Глава 7. Таинственный божедом	106
Глава 8. Детям не читать!	108
Глава 9. Настало время поговорить о записанных Джемсом песнях	109
Глава 10. Песня о весновой службе	110
Глава 11. Песня о нашествии крымских татар на Русь в 1572 году	111
Глава 12. Первый и второй плачи царевны Ксении Борисовны Годуновой	113
Глава 13. Песня о въезде в Москву возвращающегося из литовского плена патриарха Филарета Никитича	114
Глава 14. Чек-лист для иностранных послов	115
Глава 15. Русская Золушка	123
Глава 16. Тишайший, да не тихий	126
Часть IV. БУНТАШНЫЙ ВЕК	129
Глава 1. Почему нужно платить армии вовремя	132
Глава 2. Когда король защищает ферзя	134
Глава 3. Соборное уложение	135
Глава 4. Снова шведы	137
Глава 5. Медный бунт	139
Глава 6. Стенька Разин	142
Глава 7. Арзамасский воин	148

Глава 8. Кружок по интересам	150
Глава 9. Никон.	153
Глава 10. В чем состояли изменения, введенные Никоном?	156
Глава 11. Об иконописной традиции и толстых немчинах.	159
Глава 12. Грустное низвержение	161
Глава 13. Злоключения иностранцев в России	164
Глава 14. Аввакум.	170
Глава 15. Морозова Феодосья Прокопьевна	177
Глава 16. Деканонизированная святая	182
Глава 17. О юродивых	185
Глава 18. Соловецкое сидение	187
Глава 19. Аз, сирый и убогий	192
Глава 20. Накануне	194
Глава 21. Гости с континента	196
Глава 22. Убиенные мученики	198
Глава 23. И напоследок.	200
Глава 24. Хомовое пение.	202
Глава 25. Слово и дело	203
Глава 26. It's a kind of magic	206
Глава 27. Русские «Сумерки» и татары	209
Глава 28. Во всем виноваты лопари	211
Часть V. КУЛЬТУРА	215
Глава 1. Все прочее — литература	217
Глава 2. Стихи и проза, лед и пламень	224
Глава 3. Что они могли читать?	227
Глава 4. Какими были первые стихи?	231
Глава 5. Как написать акrostих?	234
Глава 6. А о чем были первые стихи?	235
Глава 7. Открытие любви-страсти	238
Глава 8. Культура переписки	239
Глава 9. Великолепный Хворостинин.	242
Глава 10. Защита Хворостинина, честного православного.	244
Глава 11. Тимофей Акиндинов aka Лжешуйский	246

Глава 12. Декларация Акиндинова как политический манифест	249
Глава 13. Жизнь есть театр	251
Глава 14. Где все это происходило?	254
Глава 15. А что ставили?	255
Глава 16. Об уставе соколиной охоты	258
Глава 17. Ордин-Нащокин	260
Глава 18. New York Times Russian Edition	262
Глава 19. Когда время — не только деньги	264
Глава 20. Конкуренция коммерсантов	266
Глава 21. Марселис vs Посольский приказ	268
Глава 22. Ода переводчикам	270
Глава 23. Шервудский лес и Брыкганция	273
Глава 24. Орден Подвязки	275
Глава 25. Курение вредит вашему здоровью	276
Глава 26. Куда исчезли скоморохи?	280
Глава 27. Роковой семнадцатый	282

Часть VI. ПЕРЕБЕЖЧИКИ 285

Глава 1. Воин Нащокин	287
Глава 2. Григорий (Кошихин) Котошихин — или Иоганн Селицкий?	290
Глава 3. О России в царствование....	294
Глава 4. О легальных способах эмиграции.	298

Часть VII. НА ИЗЛЕТЕ НЕКАЛЕНДАРНОГО

XVII ВЕКА	303
Глава 1. Федор Алексеевич	304
Глава 2. Restart.	307

Литература, которая поможет познакомиться с XVII веком	309

Предисловие автора

Эта книга — попытка рассказать историю XVII в., рассмотренную сквозь призму человеческих жизней.

XVII в. оказался веком-барьером: зачастую люди, не изучающие историю профессионально, воспринимают XVII в. как «перевалочный пункт» между эпохой Грозного и реформами Петра I, а культуру этого времени даже называют культурой «переходного периода», но это не совсем точное определение, с которым сейчас уже спорят многие ученые.

XVII в. — один из «осевых» периодов русской истории, когда на смену прежнему, средневековому мировоззрению постепенно пришло мировоззрение Нового времени.

Книга выросла из курса лекций, прочитанных для учащихся Школы юного филолога, и моего непрерывного интереса к этому периоду. Формат лекций (устное выступление и обсуждение идей в компании с заинтересованными пытливыми умами) определил некоторую кокетливость формулировок и легковесность языка, которые могут смутить читателя. Надеюсь, что занимательность сюжета скрасит эти недостатки формы.

На занятиях мы с ребятами из ШЮФ пытались ответить на сложные вопросы: например, как в XVII в. люди постепенно отходили от поведенческой нормы Средневековья и почему это стало возможным именно в это время?

Если говорить кратко (хотя ответу на этот вопрос и посвящен этот скромный труд): произошли события, которые заставили человека постоянно делать самостоятельный выбор, не обусловленный традицией, обычаем или законом, потому что бывали времена, когда законов было несколько,

как и правителей. Непонятно, чему и кому подчиняться. Столетие открывается кризисом Смутного времени, длившимся 15 лет и оказавшим колоссальное влияние на все сферы жизни. Прекратилась династия, на престоле оказался выборный царь, а это уже противоречило традиции и породило уйму слухов, догадок, предположений; регулярно появлялись самозванцы — как разобраться, не ложный ли царь? Казалось, что богохранимое царство, последний оплот православия, вот-вот падет — что делать простому человеку? На протяжении всего XVII в. общество пыталось найти опору для действий в традиции, но при этом поведенческие модели множились, а устои рушились.

«Благоразумный читателю! Чтучи сего писания, не удивляйся», — писал когда-то в Швеции русский подьячий Григорий Котошихин. А я призываю: о, читатель, чтучи сие писание, удивляйся. Надеюсь, оно даст поводы.

А для тех, кто захочет поделиться возмущением, удивлением или догадками, оставляю свою почту: potiakina.violetta@gmail.com. Буду рада прочесть любые ваши замечания.

В процессе написания книги мне помогли замечательные люди: Анна Петрова, Андрей Иванов, Анастасия Бондарчук, Юлия Веселова, Владислав Крылов, Дмитрий Быков, Дарья Каравашкина, Анастасия Слонова, Елена Сухарева — они терпеливо комментировали мои заметки и черновые варианты. Мой научный редактор Иван Кирпичников подметил неточности и поделился ценными замечаниями, которые значительно улучшили текст. Алексей Аркадьевич Пауткин, Ольга Кузнецова, Анна Валерьевна Архангельская преподали мне уроки вдумчивого чтения текстов и удивления привычному и подарили радость живого обсуждения древнерусской культуры — и за это им моя беспредельная благодарность.

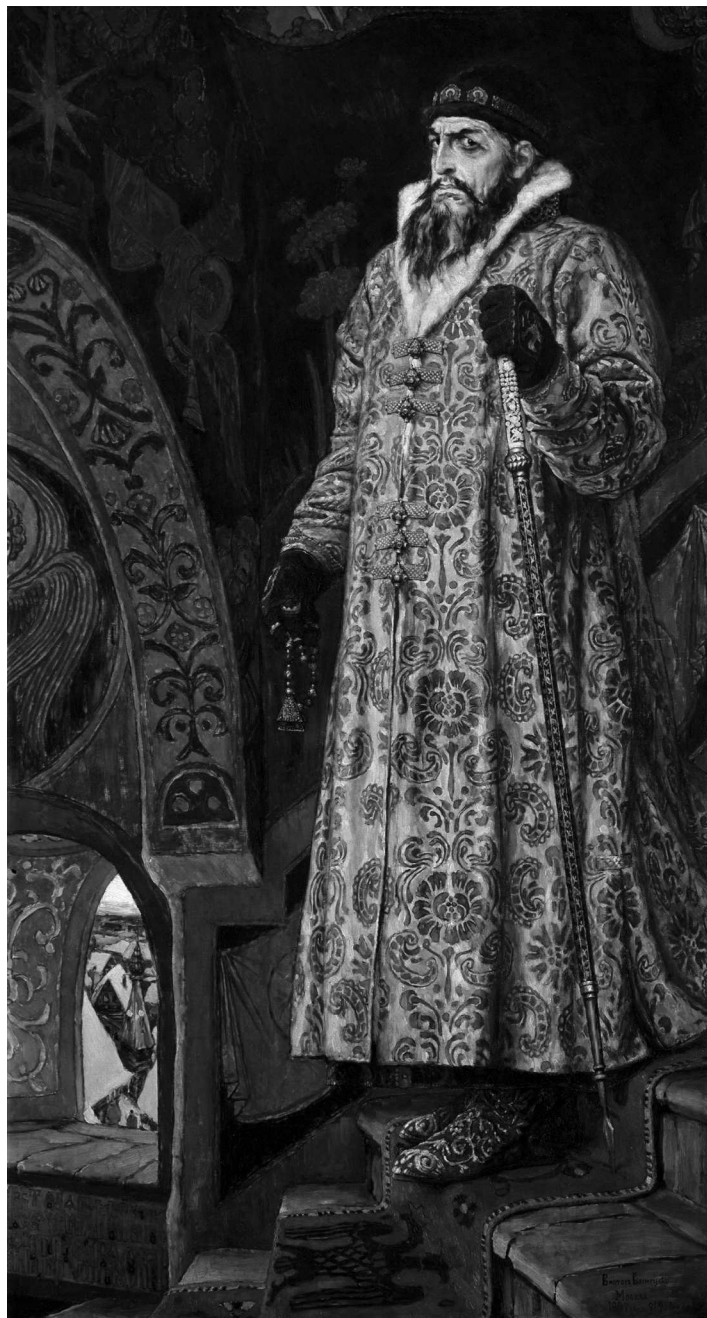
Игра престолов, или «Все пошло как-то странно и мудрено в стране...»

В XVII в. Россия входит в очень нетривиальном для нее положении: прервалась династия Рюриковичей, правящая страной со времен призвания варягов практически шесть столетий — невероятное долгожительство правящей династии для Европы. После крайне противоречивой политики Ивана Грозного страна в истощении: карательные походы на Новгород, опричнина, пытки и казни, долгая Ливонская война. У неспециалистов по истории правление Ивана Васильевича ассоциируется в основном со средневековым ужасом.

Ситуация с наследниками тоже непростая: из оставшихся в живых после смерти отца есть царевич Федор Иоаннович, которого современники характеризуют как человека менее одаренного, чем его отец, а сам Грозный пишет о нем как о постнике и молчальнике. Жив (но ненадолго) царевич Дмитрий, которого позже убьют в Угличе. Его в расчет можно было не брать, он сын от брака, не признанного церковью: Мария Нагая, мать Дмитрия, была седьмой женой Грозного, а церковь просто не могла «засчитать» какие-то браки, кроме первых трех. Церковные правила того времени предписывали: «Кто поймет четвертую или пятую жену, с таковыми не ясти, ни пити, таковой поган есть»*. Но писан ли закон царю?

* Кто женится в четвертый или пятый раз, с тем не есть и не пить, ибо он язычник. — *Здесь и далее прим. авт.*

*В.М. Васнецов.
Царь Иван
Васильевич
Грозный. 1897 г.*

Федор Иоаннович, конечно, не мог поразить людей больше, чем его отец; он был тих, спокоен, боголюбив. Как писал Джайлс Флетчер, английский дипломат, прибывший в Россию в 1588 г. по делам английской торговой компании: *«Теперешний царь относительно своей наружности: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей».*

Мы с вами будем регулярно обращаться к очевидцам-иностранцам; они часто очень пристрастны и вольно толкуют факты, но обвинить их в излишнем трепете перед монархом невозможно (а этим грешили русские авторы того времени, склоняясь перед традицией описания правящей особы). Также иностранцы обращали внимание на те стороны русской жизни, которые русские книжники подробно не освещали в своих текстах.

Русские писатели Смутного времени идеализировали Федора Иоанновича как последнего «законного» самодержца, поэтому ему приписывался и дар пророчествования, и удивительное благочестие. Однако нужно уточнить, что постник и молитвенник любил и кулачные бои, и потехи с медведями, когда охотник, вооруженный рогатиной, отбивался от зверя, находясь в круге, обнесенном стеной.

Иван Грозный женит Федора на Ирине Годуновой, племяннице постельничего, Дмитрия Годунова (постельничий — это человек, который следил за порядком в спальне, за

Федор Иоаннович, портрет из Царского титулярника, лицевая рукопись. 1673 г.

сохранностью царских икон, посуды, одежды царя, а также защищал постель правителя от колдовства). Постельничий был важной персоной и имел в распоряжении целый штат людей, следящих за удобством в царских покоях и его гардеробе. Как пишет Котошихин, *«ведает его царскую постелью*

и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает; также у того постелничого для скорых и тайных его царских дел печать (!). А честью тот постелничей противо околничего».

У Ирины Годуновой есть родной брат Борис, который на долгое время станет одним из главных героев нашей истории. Расклад получается изящным: не особенно интересующийся делами государства царь, «о мирских ни о чем попечения не имея, токмо о душевном спасении», и брат жены, амбициозный, заинтересованный, выдвинувшийся еще при Грозном, зять Малюты Скуратова.

Борис Годунов — фигура неоднозначная и в некотором смысле одиозная: мы все помним о темной истории, связанной с убийством Дмитрия, голоде и народных волнениях, случившихся в царствование «небогоугодного» государя. Что и говорить, Годунов оказался нелюбимым персонажем российской истории, хотя можно привести множество примеров, когда проводимая им политика была разумной — а (при иначе сложившихся обстоятельствах) могла быть признана своевременной и успешной. Возможно, именно из-за этой «дурной» репутации в биографии правителя все еще множество лакун.

До последнего момента было неизвестно даже, когда родился Годунов. До исследования филологов Успенского и Литвиной историки называли примерный год рождения выборного царя — незадолго до Казанского похода 1552 г. На помощь пришли иностранцы: в книге «Путешествие в Персию через Московию: 1602–1603 годы» дипломата Священной Римской империи Георга Тектандера есть точное указание на дату рождения Бориса Годунова — 2 августа по старому стилю, т. е. 12 августа по новому.

Впрочем, по поводу даты рождения все еще не утихают споры: историк Искра Шварц указывает, что в ее статье, посвященной изданиям текста Тектандера, эта дата — 2 авгу-

ста — появлялась, однако непонятно — по старому это стилю или по новому?

Что уж говорить о дне рождения, если даже с именем были проблемы: благодаря неправильному прочтению Карамзиным «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» Годунов приобрел имя Яков. Так, в предложении «И попусти на него такова же врага и законопреступника <...> от малые чади сынчишка боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков и сам той святоубийца Борис Годунов» есть конструкция «таков — яков» (наша «такой — какой»), а вот Карамзин принял местоимение «яков» за имя. Мол, отца Гришки Отрепьева звали Яков, Яковом же был и Годунов — тезки, стало быть. Причем молодой на тот момент (1888) исследователь древнерусской литературы Сергей Платонов отнесся к этой версии с изрядной долей скепсиса, но сработал эффект ореола — Карамзин к этому моменту был уже признанным патриархом российской историографии. Так и пошло: Борис Годунов, также известный как Яков Годунов.

Часть I
НЕСЛУЧИВШАЯСЯ
ДИНАСТИЯ